

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.10>

UDC 94(47+57):323.2“1829/1830”
LBC 63.3(2)521.2-4

Submitted: 25.02.2024
Accepted: 04.09.2024

**THIN SQUEAK OF A SPARROW.
THE CASE OF HIEROMONK HIERONYMUS OF SOLOVKI
AS A MANIFESTATION OF AN INTERNAL IDEOLOGICAL CONFLICT IN RUSSIA
AT THE BEGINNING OF THE REIGN OF NICHOLAS I (1829–1830)**

Aleksandr A. Orlov

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* By the time of Alexander I's death in November 1825, the internal ideological conflict in Russia had reached its peak. The Decembrist Uprising proved that liberal reforms had put the country on the brink of revolution. In this regard, the aim of the article is to show the chaotic situation in which the new emperor, Nicholas I, had to develop and affirm in the public consciousness different versions of state policy from the previous ones. *Methods.* The research methods are the case study method, which consists in analyzing the documents deposited in the State Archives of the Russian Federation on the investigation in the Third Department of His Imperial Majesty Chancellery of the case of Hieromonk Hieronymus of the Great Tikhvin Monastery, as well as classical methods of analysis, primarily the method of historical anthropology, which shows in this example the reaction of representatives of different social groups in Russia to the crisis. This subject has not yet been studied in Russian historiography. It is studied on the basis of unpublished documents of the State Archives of the Russian Federation. *Analysis.* At the beginning of the 19th century, Russian society was in a state of constant upheaval. The representatives of the highest authorities were not confident that they could count on the support of the nobility as a single corporation or the foreign servicemen who occupied responsible posts. But the danger of the situation also lay in the fact that the authorities could not and did not want to rely on representatives of the underprivileged strata of society, to which Hieronymus belonged. *Results.* The article concludes that the extreme centralization of government was a forced step by Nicholas I in order to stop any ideological polemics that were destroying the state. This affected many, including even those who, like Hieromonk Hieronymus, who had certain fame in religious circles and among the laity, could create public sentiments that would contribute to the future perception of the famous ideological triad of Nicholas's reign (the theory of official nationality).

Key words: Russian Emperor Nicholas I, A.Kh. Benkendorf, Admiral A.S. Greig, Third Department of His Imperial Majesty Chancellery, Hieromonk Hieronymus of the Great Tikhvin Monastery, Hieroschemamonk Hieronymus of Solovky, ideological crisis in Russian society at the beginning of the 19th century.

Citation. Orlov A.A. Thin Squeak of a Sparrow. The Case of Hieromonk Hieronymus of Solovki as a Manifestation of an Internal Ideological Conflict in Russia at the Beginning of the Reign of Nicholas I (1829–1830). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 111-123. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.10>

**ТОНКИЙ ПИСК ВОРОБЬЯ.
ДЕЛО ИЕРОМОНАХА ИЕРОНИМА СОЛОВЕЦКОГО
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО ИДЕЙНОГО КОНФЛИКТА В РОССИИ
В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I (1829–1830 гг.)**

Александр Анатольевич Орлов

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* К моменту смерти Александра I в ноябре 1825 г. внутренний идейный конфликт в России достиг своего пика. Восстание декабристов доказало, что либеральные реформы поставили страну на грань революции. В связи с этим цель статьи – показать, в какой хаотической обстановке новому императору – Николаю I пришлось разрабатывать и утверждать в общественном сознании иные, отличные от предыдущих, варианты государственной политики. *Методы.* Методами исследования являются метод case study, заключающийся в анализе отложившихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) документов о расследовании в III Отделении Собственной Е.И.В. Канцелярии дела иеромонаха Большого Тихвинского монастыря Иеронима, а также классические методы анализа, прежде всего, метод исторической антропологии, показывающий на этом примере реакцию представителей разных социальных групп России на кризисные явления. Данный сюжет еще не был изучен в отечественной историографии. Он исследован на основе неопубликованных документов ГА РФ. *Анализ.* В начале XIX в. русское общество находилось в состоянии постоянного потрясения. У представителей высшей власти не было уверенности в том, что они могут рассчитывать на содействие дворянства как единой корпорации или занимавших ответственные посты служилых иностранцев. Но опасность положения заключалась также в том, что власть не могла и не хотела опереться и на представителей непривилегированных страт общества, к которым принадлежал Иероним. *Результаты.* В статье сделан вывод о том, что предельная централизация управления оказалась вынужденным шагом Николая I с целью прекратить всякую идейную полемику, разрушающую государство. Это коснулось многих, в том числе даже тех, кто, подобно имевшему определенную известность в религиозных кругах и среди мирян иеромонаху Иерониму, мог создавать общественные настроения, способствующие восприятию в будущем знаменитой идейной триады николаевского царствования (теории официальной народности).

Ключевые слова: император Николай I, А.Х. Бенкендорф, адмирал А.С. Грейг, III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии, иеромонах Большого Тихвинского монастыря Иероним, иеросхимонах Иероним Соловецкий, идейный кризис в российском обществе в начале XIX века.

Цитирование. Орлов А. А. Тонкий писк воробья. Дело иеромонаха Иеронима Соловецкого как проявление внутреннего идейного конфликта в России в начале правления Николая I (1829–1830 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 111–123. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.10>

Введение. К моменту смерти Александра I в ноябре 1825 г. внутренний идейный конфликт в России достиг своего пика. Восстание декабристов доказало, что либеральные реформы поставили страну на грань революции. В связи с этим цель статьи – показать (на основе анализа неопубликованных архивных документов), в какой хаотической обстановке новому императору – Николаю I пришлось разрабатывать и утверждать в общественном сознании иные, отличные от предыдущих, варианты государственной по-

литики. Зададимся вопросом: почему он отверг все хорошо известные модели и предпочел создать нечто такое, что могло бы, по его мысли, примирить бывших либералов и бывших консерваторов, нацелить их на сотрудничество ради укрепления и развития империи?

Методы и материалы. Методами исследования являются метод case study, заключающийся в анализе отложившихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) документов о расследовании в III Отделении Собственной Е.И.В. Канцеля-

рии дела иеромонаха Большого Тихвинского монастыря Иеронима, а также классические методы анализа, прежде всего, метод исторической антропологии, показывающий на этом примере реакцию представителей разных социальных групп России на кризисные явления. Данный сюжет еще не был изучен в отечественной историографии. Даже в агиографической литературе и в кратких мемуарах Иеронима [1; 10; 11] не говорится (или говорится очень глухо) о том, почему он был арестован в 1830 г. и остаток жизни провел в заключении на Соловках. Дело Иеронима исследовано на основе неопубликованных документов ГА РФ, показывающих, в какой трудной ситуации пришлось действовать Николаю I до того, как он смог опереться на идейную триаду «православие – самодержавие – народность».

Анализ. В начале XIX в. русское общество находилось в состоянии постоянного потрясения. Одно событие сменялось другим (убийство Павла I, реформы его наследника, наполеоновские войны, Отечественная война 1812 г., заграничные походы русской армии, заговоры последнего периода царствования Александра I, загадочная смерть императора, события междуцарствия 1825 г., восстание декабристов, начало правления Николая I) и в сознании каждого думающего человека существовал пестрый калейдоскоп разнообразных впечатлений. Реальность с трудом поддавалась анализу, вызывая непредсказуемые реакции. «Нет ничего столь незначительного, что не могло бы показаться ужасным воображению, наполненному предзнаменованиями и предсказаниями», – отметил английский просветитель XVIII в. Дж. Аддисон [36, р. 125].

Письма иеромонаха Иеронима адмиралу А.С. Грейгу. В конце декабря 1829 г. главнокомандующий Черноморским флотом адмирал А.С. Грейг известил главу III Отделения и шефа Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенанта А.Х. Бенкендорфа о том, что получил два очень странных письма от иеромонаха Большого Тихвинского монастыря Иеронима. Грейг писал в Петербург:

«В Августе месяце сего года получено было мною [во время нахождения] во флоте¹ Тихвинского Большого Монастыря от Иеромонаха Иеронима письмо, коим он испраши-

вал посредства моего о устройении в окрестности Города Старой Ладogi памятника в честь первому Российскому Великому Князю Рюрику; на которое поручено было от меня Начальнику Штаба Черноморского Флота² отвечать, что, как указанное место от меня не зависит, то и не могу я войти о том с каким бы [то] ни было представлением.

Ныне же Иеромонах сей вновь прислал ко мне письмо, в котором употреблены им некоторые весьма подозрительные слова, доказывающие: или знание его о какой-либо Государственной тайне, или что он находится в припадке сума[с]шествия.

В том и другом случае я поспешаю как прежде, так и последнее письма оного Иеромонаха препроводить при сем подлинные на усмотрение Вашему Высокопревосходительству, прося Вас покорнейше почтить меня уведомлением: каким образом я должен поступить, если монах сей прибудет в Николаев?» [22].

Кто такой иеромонах Иероним? Его биография необычна даже для рубежа XVIII–XIX вв., когда, по выражению Ю.М. Лотмана, «время рождало героев бескорыстной самоотверженности и бесшабашных авантюристов. Люди мелкого масштаба становились вторыми – первые появлялись на вершинах культуры эпохи» [15, с. 258]. Он родился в 1766 г., в д. Илекинская (или Ручей) Орловского десятка Лекшмозерской волости Каргопольского уезда Новгородской (в будущем – Олонецкой) губернии в семье государственного крестьянина Власа Лаптева и его жены Стефаниды и был назван Дорофеем. Когда Стефанида была беременна, ее муж умер, и она осталась с тремя малолетними детьми на руках. Не в силах их прокормить, она отдала младенца первой встречной старушке-нищенке в г. Каргополь, чтобы та подыскала ему новых родителей, и так Дорофей, переименованный в Иерофея (Ерофея), оказался в бездетной семье каргопольского купца-булочника Василия Алексеевича Лукина и его жены Акилины Васильевны (урожд. Свешниковой).

«Кормилица моя и вторая мать [была] лучше первой... она, сверх воспитания усердного, учила меня страху Божию в юности моей и восставляла меня по ночам молиться с нею Богу и носила меня маленького в церковь на

руках своих к службе Божией, а как побольше стал, возила в саночках и тележке», – вспоминал Иероним [1].

Но священник Воскресенской церкви Феофан Кондаков «выпросил» у Лукина ребенка на воспитание. А у Кондакова мальчика похитил секретарь воеводской канцелярии Пятницкий и записал его своим крепостным (холопом). После обращения Лукина к воеводе Н.И. Маслову воеводский суд обязал Пятницкого вернуть Ерофея родителям и до 1794 г. он с ними не расставался.

Лукин дал ребенку начальное образование, научил его читать и писать, играть на флейте и, желая, чтобы он приобрел офицерский чин, определил в 1782 г. на службу в Каргопольский земский суд копиистом. При учреждении в 1784 г. Олонецкой губернии писарь попал над начало, правда, ненадолго, губернатора Г.Р. Державина. (Можно предположить, что, хотя эта служба и была краткой, но именно при Державине юноша, и так упорный в достижении своей цели, укрепился в стремлении всегда и во всем отстаивать собственную точку зрения.) Потом он был переведен в Лодейнопольский нижний земский суд столоначальником, а после возвращен в Каргопольский суд на должность протоколиста. На чиновничьей службе находился до 1794 г. и, видимо, пресытившись ее «прелестями», под влиянием своего духовного отца соборного иерея Василия Алексея (служившего в приделе Софии Премудрости Божией собора Рождества Христова) отпросился для совершения паломничества в Соловецкий монастырь. Тут сказались сразу две особенности характера молодого чиновника, которые ярко проявятся в последующем. Собрался в путь он рано утром 8 августа 1794 г. и причастился в соборе. С собой у него были «молебны в путь шествующим», возможно, составленные самостоятельно, что доказывают слова Ерофея об исправлении этих текстов, по его просьбе, священником Алексеевым. (В монашестве Иероним прославится как автор большого количества получивших широкую известность молитв [11].) Но сразу уйти из города у него не получилось, поскольку Василий Лукин, не желая расставаться с сыном и мечтами о сыновней карьере, добился приказа горничного Ивана Дернова задержать Ерофея.

Под арестом он «пробыл там (в городском правлении. – А. О.) до вечера» и сумел все-таки уговорить отца отпустить его на богомолье. Простившись навеки с приемными родителями (Лукин умер 11 ноября 1794 г., его жена – 4 марта 1795 г.), Ерофей ушел на Соловки. Там он перезимовал и в 1795 г. вышел в отставку с низшим чином губернского регистратора [1].

После этого он был послушником в Александро-Невской лавре, потом еще где-то (где именно, не указал) и 4 марта 1799 г. пострижен в монахи под именем Иеронима игуменом Товией, по благословению епископа Старорусского Арсения, в Варлаамо-Хутынском Спасо-Преображенском монастыре Новгородской епархии. «Восприемным отцом был иеромонах отец Петр, ученик старца Паисия Молдавского...»³, – писал Иероним в мемуарах [1].

17 апреля 1799 г. он был произведен в иеродиаконья, а в 1800 г. перешел в московский Новоспасский монастырь. Там 4 декабря 1808 г. его посвятил в иеромонахи митрополит Грузинский (живший на покое в Чудовом монастыре) преосвященный Иона (И.С. Васильевский)⁴. В 1810 г. Иероним перешел жить в Синодальный дом и стоял в Успенском соборе при мощах Святителя Филиппа Московского вплоть до оккупации Москвы французами в 1812 году. «Вот уж местечко славное для монаха! Избави Господи всякого от него! Я нагоревался там», – жаловался Иероним [1].

Он не объясняет более подробно, почему дежурство около раки Святителя Филиппа было таким суровым испытанием. Видимо, обилие паломников, стремившихся приложиться к мощам одного из самых почитаемых в России православных подвижников и при этом соблазнявших находившихся там монахов различного рода подарками, истощало духовные и физические силы. Для последователя молитвенного молчания и удаления от мира в духе учения Паисия Величковского это, действительно, было тяжким искусом.

О том, что произошло с Иеронимом в 1812 г., кратко говорится в агиографической литературе. «Во время нашествия французов... трудился при отправлении из Москвы патриаршей ризницы и, выехав с нею, не имел времени сохранить свое имущество» [11]. В формулярном списке сказано: «...1. Сентяб-

ря с прочими монашествующими из Москвы вышел и находился в разных монастырях [до] 1820 [г.]» [33, л. 13]. В справке Новгородской духовной консистории, составленной в 1830 г. после ареста Иеронима, говорилось: из Москвы «отлучился, быв лишен всего своего имущества» [32, л. 30].

После изгнания французской армии из России больной, не имевший ни гроша и вынужденный лечиться в основном употреблением спиртного, Иероним поселился в Екатерино-Лебяжской Николаевской пустыни (он пишет, что удалился в Екатеринолюбевский монастырь), устроенной в 1794 г. по приказу Екатерины II на о. Лебяжий в лимане р. Кубань для призрения больных и увечных казаков.

«...Здесь я своими руками похоронил восприемного от монашества своего отца Петра; он прежде меня сюда перешел и скончался в январе 1814 года и того же года я выбыл из одного монастыря, для излечения болезни своей, в Ставрополь, на теплые воды. А потом возвратился в Россию и определился в Свирской монастырь. 1820 года я получил паспорт идти в Иерусалим и, как путь пресекался⁵, то жил с тем паспортом в разных монастырях и, наконец, поселился в Тихвине. Из него я приехал в Петербург 24-го числа декабря 1829 года и остановился на квартире в Староладожской часовне» [1].

Идея установки памятника Рюрику в Старой Ладогe. Именно в Петербурге в 1829 г. и началась та история, которая привела к появлению процитированного в начале статьи письма Иеронима к Грейгу, а в 1830 г. самого Иеронима – к заключению в Петропавловской крепости и потом к пожизненной ссылке в Соловецкий монастырь. Еще из Тихвина в июне 1829 г. он написал письмо главнокомандующему в Петербурге генерал-лейтенанту П.В. Голенищеву-Кутузову. Здесь впервые появилась идея установки памятника Рюрику в Старой Ладогe [29]. Как она родилась в сознании Иеронима? Надо припомнить особенности его воспитания, гражданской службы, принятия монашества, влияние на него бурных событий 1812 г., когда он видел гибель Москвы и сам чуть было не погиб, трагедии декабристского восстания и страха, охватившего

русское общество в связи с начавшимися репрессиями.

Не получив никакого ответа от Голенищева-Кутузова, Иероним решил по-другому напомнить ему о себе. Попросившись на прием по случаю «перемены иерусалимского паспорта», он, видимо, хотел лично убедить столичного главнокомандующего в важности своего проекта. Вообще, судя по архивным документам, у него была особая вера в способность влиять на любого собеседника. Но Голенищев-Кутузов, никак не отреагировав на «государственное дело», приказал Иерониму «...сходить в газетную экспедицию и напечатать [об отъезде в Иерусалим] в газетах» [1].

Однако так просто отделаться от монаха властям не удалось. Он был абсолютно убежден в справедливости родившейся у него патриотической идеи. Узнав из петербургских газет, в которых следовало публиковать объявления об отъезде за границу, о якобы имевшемся у Грейга намерении поставить в Херсонесе памятник князю Владимиру на месте крещения, он решил предложить адмиралу довершить благое начинание установкой памятника Рюрику возле Старой Ладогe. Иеронима возмущала заброшенность места первого всероссийского престола, который «прозябает в безвестности». Он желал поведать об этом цесаревичу, вел. кн. Александру Николаевичу, но боялся, что по его низкому званию это будет отринуто. Поэтому Иероним предлагал Грейгу самому представить доклад императору. В случае отказа он просил, чтобы кто-либо из подчиненных адмирала удостоил его «мелен[ь]ким отзывом» и тогда он сделает то, что Бог ему поможет [27].

Второе письмо Иеронима адмиралу Грейгу. Как говорилось выше, удивленный Грейг поручил начальнику штаба Черноморского флота капитану 1-го ранга В.И. Мелихову ответить неизвестному монаху, что Старая Ладога ему не подчинена и он никаких действий там производить не имеет права. Удивление адмирала еще более увеличилось, когда в ноябре 1829 г. он получил от Иеронима второе письмо, в котором с иронией говорилось (здесь и далее подчеркнутые слова подчеркнуты в тексте документа):

«Милостивейший Благодетель России! С неизреченною души моею радостью имел счастье сего дня получить по соизволению Вашего Высокопревосходительства из Штаба Черноморского Флота... сведение о получении Вашим Высокопревосходительством моего всепочтеннейшего к Вам донесения о устройении в Старой Ладоге Первому Всероссийскому Великому Князю Рюрику памятника, и о том, что место сие, Ладога, от Вашего Высокопре[восходительст]ва нисколько не зависит; за что и приношу Вашему Высокопре[восходительст]ву с сокрушением сердца моего достолюбезную благодарность и прошу и моего милосердного Господа да подаст вам премудрость не токмо в подведомственных вам местах, но и во всей России на благоотворение оной производить Патриотические заведения и установления, для чего, как я помышляю, ВСЕАВГУСТЕЙШИЙ наш Монарх ВЫСОЧАЙШЕ пожаловал вам и эпюлеты с вензелем имени своего и тем даровал вашим... <сл. неразборчиво> новую силу подвизаться не токмо в военных, но и в гражданских делах. Надеюсь на таковую к вам МОНАРШЮ милость, уповаю, что и Великого Князя Рюрика при времени и случае увековечить не забудете, и тем самым от благоденственной России во веки память как ко князю сему, так и сами к себе устроить можете. Со стороны же моей в дальние поприща вступить без пособия великих в России мужей, подобных Вам, боюсь; ибо воробьиное писканье не далеко слышат. Странно для меня кажется, что Г. С[анкт-]Петербургский военный Губернатор не внял сему моему воробьиному писку. А воробью еще пискать хочется. Пискнул Майборода, а Пестель ножками раз[д]рягал. Для изъяснения тайны сей поспеваю сам лично предстать пред Вашим Высокопре[восходительст]вом и спрашиваю себе у Бога помощи; ибо я давно уволен в Иерусалим для поклонения Гробу Господню и имею паспорт, но не знаю только, где я могу вас найти. Постараюсь добраться до Штаба вашего, а там укажут мне и к Вам дорогу. Прошу объявить благодарность мою Начальнику Штаба 1-го ранга Г. Капитану, коего ни имя, ни отчество мне неизвестны. За сим, желая Вашему Высокопре[восходительст]ву благоденственного и мирного жития, здравия

и спасения и прочих временных и вечных благ, с моим высокопочтанием к Вам честь имею быть на всегда...» [28].

Страх служилого иностранца. Грейг мог воспринять такую «атаку» на себя и свой патриотизм как провокацию недовольных им представителей петербургских верхов. Известно, что офицеры Черноморского флота были близки со многими декабристами, и только заступничество Грейга спасло их от преследований. Таким же образом он пытался защищать участников чумного бунта в Севастополе 1829–1830 гг., хотя и безуспешно [14, с. 79]. В Петербурге нарастало раздражение по поводу деятельности слишком самостоятельного адмирала, да еще и сохранявшего, как сказано в формулярном списке за 1831 г., принадлежность к «английской нации и закону» [14, с. 22, примеч. 7], то есть к англиканскому вероисповеданию. После восстания 1825 г. многие меры, предпринятые адмиралом в период правления Александра I для облегчения положения нижних чинов и для улучшения профессиональной подготовки офицеров, стали казаться революционными. Особенно подозрительной (из-за «Семеновской истории» 1820 г.) выглядела организация во всех черноморских училищах системы образования по ланкастерскому методу «взаимного обучения» [18, с. 41–62]. «В 1827 г. в Николаеве и Севастополе открываются возглавляемые А.С. Грейгом училища для дочерей нижних чинов. Помимо общей грамоты, здесь велась и профессиональная подготовка. В Николаеве также было открыто “городовое училище” на 100 мест для мальчиков» [14, с. 75]. А лекции для офицеров на актуальные темы? Их отправка за границу, в том числе и в Англию, «для ознакомления с зарубежным опытом и повышения своего образования»? Разрешение соединения женатых матросов с их семьями? Распоряжения для улучшения качества обмундирования и пищи матросов? Запрещение жестоких телесных наказаний и облегчение положения рекрутов в начале службы? [14, с. 76–77]. Было что поставить «англичанину» (на самом деле, шотландцу) в вину, тем более, что он уже находился в ссылке в эпоху союза России с Францией 1808–1812 гг. только из-за своего английского происхождения [13]. Ну чем не новый «Пестель»,

заговорщик из числа служилых иностранцев, который пока не дождался своего «Майбородь»?

В Петербурге понимали: наказывать Грейга, особо обласканного за заслуги отца – адмирала С.К. Грейга – еще Екатериной II, а потом отличившегося длительной беспорочной службой, не следовало. Но вот удалить его из обустроенного им Николаева, переместить, в виде поощрения, в Петербург, под бдительный надзор императора, было вполне возможно. В 1825 г. Грейга назначили членом нового Комитета образования флота, в работе которого он принял деятельное участие. После окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг. он стал председателем Комитета по улучшению кораблестроения и с середины 1830 г. почти в течение года находился в Петербурге, рассматривая предложения по улучшению конструкции русских судов. С 1833 г. адмирала назначили членом Государственного совета и после этого он в Николаев уже не вернулся, сдав командование Черноморским флотом вице-адмиралу М.П. Лазареву [14, с. 17–19, 21, 85].

Видимо, Грейг воспринял странные письма Иеронима и его обещание обязательно найти адмирала в Николаеве перед отъездом в Иерусалим как реальную опасность для себя. Защиту в этой ситуации можно было найти только у Бенкендорфа.

Тревога в высших эшелонах власти.

Уровень тревоги в высших эшелонах власти в это время был очень высоким, поскольку как раз в конце 1820-х – начале 1830-х гг. Бенкендорфу поступали доносы И.И. Завалишина и авантюриста английского происхождения Р.М. Медокса о новых обширных декабристских заговорах [34; 35, с. 68–77 и сл.]. Так что реакция на дело Иеронима последовала немедленно. Шеф жандармов доложил о нем императору. Было приказано разыскать его и арестовать, препроводив со всеми бумагами в Петропавловскую крепость. Срочные приказы послали Грейгу в Николаев, обер-прокурору Святейшего Синода кн. П.С. Мещерскому, военному министру гр. А.И. Чернышеву и коменданту Петропавловской крепости генерал-адъютанту А.Я. Сукину [21].

Власти искали Иеронима в Тихвине, Николаеве и Севастополе. В конце концов, он был арестован (где именно, неизвестно) и 16 ян-

варя 1830 г. доставлен фельдъегерем прапорщиком Васильевым в Петропавловскую крепость. Как сообщал Сукин Бенкендорфу, «...Иеромонах Иероним... впредь до разрешения (то есть до следующего приказа. – А. О.) мною принят и посажен в Невской куртине в особой арестантской покой № 17-го» [25].

Бумаги Иеронима. При аресте у Иеронима были отобраны все находившиеся при нем бумаги, и их перечень [16] позволяет оценить особенности его мышления и размах деятельности. Иероним подавал Александру I и Николаю I проекты экономического освоения природных ресурсов северной России. (Здесь он воспользовался правовой коллизией начала правления Александра I. Именной указ императора от 7 августа 1801 г. приглашал «учинивших изобретения и открытия» в земледелии, торговле и промышленности присылать свои проекты, которые под руководством Н.Н. Новосильцева будут рассматриваться, а «сочинители» – награждаться. Но ровно через год, 7 августа 1802 г., Святейший Синод своим указом «строжайше подтвердил» правило, чтобы подведомственные ему люди «мимо своего начальства» не передавали непосредственно просьб императору [5, с. 129, 154].) Брался защищать интересы крестьян и других людей, которые обращались к нему за помощью. Духовно их окормлял, делая для этого выписки из Священного Писания. Следил за иностранными научными достижениями, читал газеты. Правда, информацию он воспринимал хаотически, глотая, как говорится, все без разбора. Так, у него нашли «Записочку о глистах с именем Доктора Антона Саллатори», а на обороте этой бумажки были «выписки из Монтеスキю» [16, л. 18]. Видимо, выписки делались из произведений знаменитого французского юриста и философа Ш.-Л. Монтеスキё, автора теории разделения властей. Иероним состоял в переписке с настоятелями северорусских монастырей, в том числе с игуменом Кирилло-Белозерского монастыря Ефремом. Из агиографической литературы известно, что он был близок к пользовавшемуся доверием Александра I настоятелю Юрьевского монастыря архимандриту Фотию (П.Н. Спасскому) [11]. Ну и, конечно, Иероним постоянно отстаивал собственные интересы, подавая высшим духовным и светским властям, кроме экономи-

ческих, патриотических и других проектов, прошения «об оказании ему милости». Впрочем, часть документов, вероятно, была уничтожена перед арестом, поскольку у него нашли «при сих бумагах... еще лист оберточной бумаги, пакет без письма и распечатанный...» [16, л. 18].

Расследование дела Иеронима и его наказание. Наследство жандармам попало богатое и неоднозначное. Разобрать бумаги поручили опытнейшему полицейскому – руководителю всего жандармского сыска и агентурной работы в III Отделении М.Я. фон Фоку [24]. Для более подробного допроса преступника Бенкендорф просил Мещерского составить «вопросные пункты». У князя такое беспардонное вмешательство в сферу полномочий его ведомства сначала вызвало возмущение [30], но, поскольку в расследовании дела был заинтересован сам император, он сдался и «вопросные пункты» через неделю представил [23]. Главное, что интересовало жандармов, это подозрительное сравнение, сделанное Иеронимом во втором письме к Грейгу, о «пискнувшем» Майбороде и задержавшемся на виселице Пестеле. В «вопросных пунктах» было сказано: «Что значат сии слова и в чем именно заключается тайна, о которой Вы упоминаете и которую намеревались открыть Г. Адмиралу Грейгу?» [3, л. 26].

На предложенный вопрос Иероним ответил следующее: «...прошлого 1829 года Августа в последних числах во время бытности моей в Тихвине, монастыре, прохаживался я один по монастырской ограде вечером часу в девятом и, увидев двух человек, сидящих под оградю к реке Тихвин и разговаривающих между собою, остановился посмотреть их; и вдруг услышал одному из них другому часто повторяющего слова: Пестеля, прочих же речей разобрать не мог. Другой же человек более молчал и мало говорил и то тихо; наконец первой говорун с озартом (так в тексте. – А. О.) выговорил сии слова: “Разве ты не знаешь, что у нас мил[л]ион четыреста тысяч масонов. Это все Пестели”. Я тогда слушающему сказал: не верь, друже, кроме ево одного, никого нет. Что услышав, они встали скоро и ушли. Преследовать мне сего молодца было невозможно, потому что ворота монастырския заперты и ключи у Архиманд-

рита, с ограды же спустился бы я поймать ево, но высоко и потому невозможно. Примет же на лице их по темноте не видно, кроме платья. На них были короткие сертуки (так в тексте. – А. О.) и в шляпах, росту небольшого. После того ходил я в многонародныя собрания в церквах и искал сию двоицу, но уже нигде их не видал. И так, тихвинския ли они были или приезжия, совершенно не знаю. Вот вся моя тайна, которую желал объявить Господину Адмиралу Грейгу, дабы, естли не противно будет, довел бы он до сведения и самого МОНАРХА нашего. Более же ничего не знаю. И сие самое утверждаю пред свидетелем Богом моим» [19, л. 27 об.–28].

17 марта 1830 г. Сукин лично объяснился с Иеронимом и через два дня, видимо, задержавшись с ответом из-за чумного бунта в Севастополе, представил Бенкендорфу докладную записку по этому поводу [26, л. 34]. Подозрения жандармов по поводу крамольной «декабристской» фразы оказались напрасными. Иероним получил ответ на вопрос о том, кто виноват в бедствиях России в разговорах с Фотием. В житии сказано: «...узнал от него о распространении в обществе масонства и противных православию учений, и решился донести [об этом] и правительству. За это донесение он послан был в Петропавловскую крепость, из которой в 1830 году переведен под строгий надзор в Соловецкую обитель» [11].

Анализ архивных документов показывает, что Иероним не только прислушивался к Фотию, но и нашел собственное средство поиска тайных масонов – ненавистников России, обратив внимание на служилых «немцев», таких как Пестель и Грейг. Все дело было в том, чтобы предложить этим наемникам совершить яркий патриотический акт, например, поставить памятник князю Рюрику. Отказался – значит враг. Остается только добраться до него (перед отбытием для духовного подвига в Святую Землю) и лично вывести на чистую воду.

23 марта доклад о деле Иеронима был подан императору [8]. Бенкендорф предлагал отослать монаха «под духовный присмотр» в какой-нибудь отдаленный монастырь, в котором он еще не жил, но Николай I, видимо, под влиянием жалоб Мещерского или руководствуясь ведомственной подчиненностью, повелел отослать его для исполнения наказания к обер-

прокурору. Бенкендорф распорядился об этом и просил, чтобы ему сообщили о назначенном наказании [20]. Мещерский 5 апреля 1830 г. писал Бенкендорфу: «Синод, положив, по замеченному в сем Иеромонахе сварливому характеру, отослать его на жительство в Соловецкий Монастырь, посредством Гражданского Правительства, с нарочным, предписывает с сим вместе Архимандриту того Монастыря, чтобы он, Иероним, содержим был там под строгим надзором и чтоб об образе жизни его рапортовано было Синоду по третям года» [31].

Житие Иеронима повествует: «...со слезами принял [он] объявление о выводе его из Петропавловского каземата. “О чем плачешь?” – спросил его комендант. “Поверьте”, – отвечал узник: “я не нашел лучше места для иноческого подвига”» [11]. Можно поверить тому, что Иероним не печалился по поводу ссылки в Соловецкий монастырь. В молодости он уже жил там, а потом просил принять его в число насельников Соловецкой обители и, видимо, для этого переписывался с игуменом Ефремом. В справке Новгородской консистории сказано: «...имел он билет и от Соловецкого монастыря, из коего видно, что он проживал в оном и просил тамошнего настоятеля о принятии его в монастырь. Но его туда не приняли по причине “неодобрительного” послужного списка» [32, л. 32 об.].

Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Сердце его явно было спокойно. Он донес свою истину до монарха, выкрикнул «слово и дело», продолжив, таким образом, дело Фотия, а уже сам император должен был сражаться с врагами отечества. Иероним, как последователь учения Паисия Величковского, надеялся обрести на Соловках чудо божественного молчания, недоступное в монастырях, осаждаемых паломниками и праздными туристами. Вспомним его душевные муки во время молитвенного стояния около мощей Святителя Филиппа Московского.

22 апреля 1830 г., как говорилось в «записке» начальника 1-го Округа Корпуса жандармов генерал-майора П.И. Балабина, отправленной Бенкендорфу, «Еро-Монах Ероним» в сопровождении петербургского квартального надзирателя прибыл в Архангельск и был посажен в тюремный замок до отправления на

Соловки [9]. Он находился в Соловецком монастыре до самой смерти и умер в Анзерском скиту 23 сентября 1847 г., 82-х лет от роду. Русская православная церковь отмечает в этот день память одного из выдающихся подвижников благочестия [11]. Его житие помещено в «Соловецком патерике» как духовного врачевателя и наставника всех, смущаемых совестью.

Опыт преодоления кризисной ситуации. Дело Иеронима показывает нам Николая I и Бенкендорфа, крайне нервно реагирующих на слова монаха из провинциального монастыря о Майбороде и Пестеле. Мы ощущаем страх, недоумение и раздражение Грейга, гнев кн. Мещерского, видим попытку Голенищева-Кутузова, оскорбленного во время следствия над декабристами Пестелем, бросившим ему обвинение в причастности к убийству Павла I [7, с. 404], уклониться от объяснений с сумасшедшим паломником. Следим за перипетиями жизни Иеронима, бросающими его из огня да в полымя, пытаясь понять побудительные мотивы действий того, кто не пожелал прозябать в крестьянской доле или в мелких чинах, а поднялся до высот духовного подвига, как он его понимал. За спиной Иеронима угадываются фигуры «людей слова» – Святителя Филиппа Московского, Фотия, Паисия Величковского и Державина при всей разнице их идейного наследия, монашеского, государственного и литературного служения.

Действующие лица этой истории, находящиеся в хаотической ситуации, вызванной резкой сменой власти и декабристским восстанием, с трудом двигаются вперед и при этом яростно мешают друг другу. Спокоен и уверен в себе только Иероним. Он нашел свою точку опоры. Как писал американский правовед Гарольд Берман, «большинство сообществ не в состоянии выжить, а тем более взаимодействовать, без сложной системы правил – неважно, представляют эти правила традиционные обычаи или законодательные акты» [2, с. 54]. Все это в России в начале XIX в. было разрушено или подвергнуто сомнению: ни правил, ни обычаев, ни прошедших проверку временем законов. Все приходилось создавать заново. Это, конечно, было возможно, но тут требовалась способность быстро перестроиться, с чего-то начать, решительно покончив с прошлым и, в то же время,

уверив себя и других, что окончательного разрыва не произошло. Итальянский историк Карло Гинзбург так описал этот ментальный механизм: «Возможность переходить от вымышленного мира к реальному и обратно, от одного воображаемого пространства к другому, от области правил к сфере метаправил, разумеется, входит в число видовых способностей человека. <...> Частью технологического достояния, позволившего европейцам завоевать весь мир, также является усовершенствованная в течение веков способность контролировать связь между видимым и невидимым, между реальностью и вымыслом» [4, с. 90–91].

Ответом высшей власти в лице Николая I на кризис начала XIX в. была предельная централизация с запретом любых дискуссий по вопросам внутренней и, особенно, внешней политики. Централизация казалась (на первых порах) вынужденным шагом с целью прекратить всякую идейную полемику, разрушающую государство. Это коснулось многих, в том числе и тех, кто, подобно имевшему определенную известность в религиозных кругах и среди мирян иеромонаху Иерониму, мог силой слова создавать общественные настроения, способствующие восприятию в будущем знаменитой идейной триады николаевского царствования «православие – самодержавие – народность».

Не получив широкой общественной поддержки, данный тезис не создал конкуренции ни консервативным, ни либеральным идеям и остался в истории России как искусственный конструкт. По воспоминаниям археолога и этнографа-фольклориста И.П. Сахарова (выходца из семьи священника Тульской губернии), когда началось внедрение теории «официальной народности» в идеологическую сферу империи, его «...милые соотечественники различно понимали эту задачу. <...> ...Жалкие воспитанники Французских и Немецких бродяг восклицали: “Народность есть верный признак демагогов. Как [император] смеет ставить ее рядом с Православием и Самодержавием?”» [6, стб. 916]. Император же упорно стремился внедрить новацию в общественное сознание. Ради этого он в течение всего времени своего правления полагал необходимым сохранение жесткого внутривнутриполитического курса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В августе 1828 г., во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг., Грейг успешно командовал Черноморским флотом. За взятие крепости Анапа 20 июня 1828 г. произведен в адмиралы, за взятие Варны награжден орденом Св. Георгия 2-го класса. За отличие в войне 22 сентября 1829 г. ему также были пожалованы императорские вензеля на эполеты [17].

² Начальником штаба Черноморского флота в это время был капитан 1-го ранга В.И. Мелихов [14, с. 81, 84].

³ Иеросхимонах Паисий Величковский, архимандрит Нямецкого монастыря в Молдавии, занимает в истории православного монашества и православной церкви особое место. В нем сочетались святость личной жизни, любовь к просвещению, замечательная способность к устройению монашеского общежительного братства, умение привлечь к себе и духовно воспитать многочисленный сонм учеников, создать возле себя большую школу православного духовного подвижничества и, наконец, большое литературное дарование, которое помогло ему совершить важное и необходимое дело – исправление старых переводов и новый перевод святоотеческой аскетической литературы [12].

⁴ Так он назван Иеронимом в автобиографии. Экзархом Грузии Иона стал только 1 октября 1821 года. Одновременно состоял членом Св. Синода. В сан митрополита возведен 22 августа 1828 года.

⁵ Это случилось из-за войны, но какой именно, непонятно: русско-персидской 1826–1828 гг. или русско-турецкой 1828–1829 годов? Или той и другой последовательно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автобиографическая записка, извлеченная из дневника иеромонаха Иеронима, умершего 23-го сентября 1847 г. в Соловках // Восточная литература. URL: <https://www.vostlit.info>

2. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. Н. Р. Никоновой при участии Н. Н. Деева. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Издат. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. 624 с.

3. Вопросные пункты иеромонаху Иерониму, 31 января 1830 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 26–27.

4. Гинзбург К. Миф. Дистанция и ложь // Гинзбург К. Деревянные глаза. Десять статей о дистанции. М.: Новое издательство, 2021. С. 63–142.

5. Демкин А. В. «Дней Александровых прекрасное начало...»: Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

6. Для биографии И. П. Сахарова / сообщ. П. И. Савваитов // Русский архив. 1873. Кн. I, № 6. Стб. 897–919.
7. Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Новости, 1992. 560 с.
8. Записка о помещении доклада по делу иеромонаха Иеронима в собрание всеподданнейших докладов, 23 марта 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 36.
9. «Записка» П.И. Балабина, 19 мая 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 41.
10. Иеромонах Иероним, заточник в Соловецком монастыре. Род. 1766 г., ум. 1847 г. // Русская старина. 1891. № 7. С. 184–185.
11. Иеросхимонах Иероним Соловецкий (Память 23 сентября) // Азбука веры. Православная библиотека. Жития святых. Жизнеописания Отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Сентябрь. Раздел 24. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/zhizneopisanija-otechestvennyh-podvizhnikov-blagochestija-18-i-19-vekov-sentjabr/24
12. Иеросхимонах Сергей (Четвериков). Молдавский старец Паисий Величковский // Азбука веры. Православная библиотека. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Chetverikov/moldavskij-starets-paisij-velichkovskij/
13. Копелев Д. Н. 1812 год: «Заложники» войны и натурализация иностранных офицеров Российского флота // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Самара: Изд-во СамГУ, 1997. С. 117–130.
14. Крючков Ю. С. Алексей Самуилович Грейг, 1775–1845 / отв. ред. Г. М. Балабаев. М.: Наука, 1984. 104 с.
15. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
16. «Опись бумагам содержащегося в крепости Иеромонаха Иеронима» [1830 г.] // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 17–18.
17. Орлов А. А. Грейг (Грейх, Greig) Алексей Самуилович (Самойлович) // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия в трех томах. Т. 1. А – Ж / рук. авт. кол. В. М. Безотосный. М.: РОССПЭН, 2012. С. 518.
18. Орлов А. А. «Школы для всех». Ланкастерская система обучения в России в первой четверти XIX века (1814–1826 гг.). М.: РИЦ МГТУ М.А. Шолохова, 2014. 200 с.
19. Ответы иеромонаха Иеронима на вопросы пункты, 4 февраля 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 27 об.–28 об.
20. Письма А.Х. Бенкендорфа к П.С. Мещерскому и А.Я. Сукину, 27 марта 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 37–38.
21. Письма А.Х. Бенкендорфа к П.С. Мещерскому, А.И. Чернышеву, А.Я. Сукину, А.С. Грейгу, 13 января 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 5–8.
22. Письмо А.С. Грейга к А.Х. Бенкендорфу, 31 декабря 1829 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 1–1 об.
23. Письмо А.Х. Бенкендорфа к А.Я. Сукину, 31 января 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 25.
24. Письмо А.Х. Бенкендорфа к А.Я. Сукину, январь 1830 г. (без даты) // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 19.
25. Письмо А.Я. Сукина к А.Х. Бенкендорфу, 16 января 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 14.
26. Письмо А.Я. Сукина к А.Х. Бенкендорфу, 19 марта 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 34.
27. Письмо иеромонаха Иеронима к А.С. Грейгу, 17 августа 1829 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 2–2 об., 21–21 об.
28. Письмо иеромонаха Иеронима к А.С. Грейгу, 27 ноября 1829 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 4–4 об., 23–24 об.
29. Письмо иеромонаха Иеронима к П.В. Голенищеву-Кутузову, 26 июня 1829 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 3–3 об.
30. Письмо П.С. Мещерского к А.Х. Бенкендорфу, 23 января 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 20.
31. Письмо П.С. Мещерского к А.Х. Бенкендорфу, 5 апреля 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 40–40 об.
32. «Справка, извлеченная из сведений, доставленных Новгородскою Духовною Консисториею о Иеромонахе Иерониме» [1830 г.] // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 30–33.
33. Формулярный список иеромонаха Иеронима [1830 г.] // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. [12]–13.
34. Штрайх С. Я. Провокатор Завалишин. М.: Акц. изд. о-во «Огонек», 1928. 48 с.
35. Штрайх С. Я. Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. [3-е изд.]. М.: Воениздат, 2000. 288 с.
36. Addison J. Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator / ed. by T. Arnold. Oxford: Clarendon Press, 1886. XXX, 528 p.

REFERENCES

1. Avtobiograficheskaya zapiska, izvlechnaya iz dnevnika iyeromonakha Iyeronima, umershego 23-go sentyabrya 1847 g. v Solovkakh [Autobiographical Note Extracted from the Diary of Hieromonk Hieronimus, Who Died on September 23, 1847 in Solovki].

Vostochnaya literatura [Eastern Literature]. URL: <https://www.vostlit.info>

2. Berman H.J. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition]. Moscow, Izd-vo MGU, Izdat. gruppа INFRA-M–NORMA, 1998. 624 p.

3. Voprosnyye punkty iyeromonakhu Iyeronimu, 31 yanvarya 1830 g. [Question Points to Hieromonk Hieronymus, January 31, 1830]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 26-27.

4. Ginzburg K. Mif. Dstantsiya i lozh [Myth. Distance and Lies]. Ginzburg K. *Derevyannyye glaza. Desyat statey o distantsii* [Wooden Eyes. Ten Articles About Distance]. Moscow, Novoye izdatelstvo, 2021, pp. 63-142.

5. Demkin A.V. «Dney Aleksandrovykh prekrasnoye nachalo...»: *Vnutrennyaya politika Aleksandra I v 1801–1805 gg.* [“The Wonderful Beginning of Alexander’s Days...”: Domestic Policy of Alexander I in 1801–1805]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012. 320 p.

6. Savvaitov P.I., ed. Dlya biografii I.P. Saharova [For the Biography of I.P. Sakharov]. *Russkiy arkhiv* [Russian Archive], 1873, book I, no. 6, cols. 897-919.

7. Dolgorukov P.V. *Peterburgskiyе ocherki. Pamflety emigranta. 1860–1867* [Petersburg Essays. Emigrant’s Pamphlets. 1860–1867]. Moscow, Novosti Publ., 1992. 560 p.

8. Zapiska o pomeshchenii doklada po delu iyeromonakha Iyeronima v sobraniye vsepoddaneyshikh dokladov, 23 marta 1830 g. [Note on the Inclusion of the Report on the Case of Hieromonk Hieronymus in the Collection of Most Humble Reports, March 23, 1830]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 36.

9. «Zapiska» P.I. Balabina, 19 maya 1830 g. [“Note” by P.I. Balabin, May 19, 1830]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 41.

10. Iyeromonakh Iyeronim, zatochnik v Solovetskom monastyre. Rod. 1766 g., um. 1847 g. [Hieromonk Hieronimys, Prisoner in the Solovetsky Monastery. 1766–1847]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1891, no. 7, pp. 184-185.

11. Iyeroskhimonakh Iyeronim Solovetskiy (Pamyat 23 sentyabrya) [Hieroschemamonk Hieronymus of Solovky (Commemorated September 23)]. *Azbuka very. Pravoslavnaya biblioteka. Zhitiya svyatykh. Zhizneopisaniya Otechestvennykh podvizhnikov blagochestiya XVIII i XIX vekov. Sentyabr. Razdel 24* [Alphabet of Faith. Orthodox Library. Lives of the Saints. Lives of Russian

Ascetics of Piety of the 18th and 19th Centuries. September. Section 24]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svyatykh/zhizneopisaniya-otechestvennykh-podvizhnikov-bлагоchestiya-18-i-19-vekov-sentyabr/24

12. Iyeroskhimonakh Sergiy (Chetverikov). Moldavskiy starets Paisiy Velichkovskiy [Hieroschimonk Sergius (Chetverikov). Moldavian Elder Paisius Velichkovsky]. *Azbuka very. Pravoslavnaya biblioteka* [Alphabet of Faith. Orthodox Library]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Chetverikov/moldavskij-starets-paisij-velichkovskij/

13. Kopelev D.N. 1812 god: «Zalozhniky» voyny i naturalizatsiya inostrannykh ofitserov Rossiyskogo flota [1812: “Hostages” of the War and the Naturalization of Foreign Officers of the Russian Fleet]. *185 let Otechestvennoy voynе 1812 goda* [185 Years of the Patriotic War of 1812]. Samara, Izd-vo SamGU, 1997, pp. 117-130.

14. Kryuchkov Yu.S. *Aleksey Samuilovich Greig, 1775–1845* [Alexey Samuilovich Greig, 1775–1845]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 104 p.

15. Lotman Yu.M. *Besedy o russkoy kulture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX v.)* [Conversations About Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Century)]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1994. 399 p.

16. «Opis bumagam sodержashchegosya v kreposti Iyeromonakha Iyeronima» (1830 g.) [“Inventory of the Papers of Hieromonk Hieronymus Held in the Fortress” (1830)]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 17-18.

17. Orlov A.A. Greig (Greykh, Greig) Aleksey Samuilovich (Samoylovich) [Greig Alexey Samuilovich (Samoilovich)]. Bezotosnyy V.M., ed. *Otechestvennaya voyna 1812 goda i osvoboditelnyy pokhod russkoy armii 1813–1814 godov. Entsiklopediya v trekh tomakh. T. 1. A – Zh* [Patriotic War of 1812 and the Liberation Campaign of the Russian Army of 1813–1814. Encyclopedia in Three Volumes. Vol. 1. A – Zh]. Moscow, ROSSPEN, 2012, p. 518.

18. Orlov A.A. «Shkoly dlya vsekh». *Lankasterskaya sistema obucheniya v Rossii v pervoy chetverti XIX veka (1814–1826 gg.)* [“Schools for All.” Lancaster System of Instructions in Russia in the First Quarter of the 19th Century (1814–1826)]. Moscow, RITs MGGU M.A. Sholokhova, 2014. 200 p.

19. Otvety iyeromonakha Iyeronima na voprosnyye punkty, 4 fevralya 1830 g. [Answers of Hieromonk Hieronymus to Questions points, February 4, 1830]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 27 r. – 28r.

20. Pisma A.Kh. Benkendorfa k P.S. Meshcherskomu i A.Ya. Sukinu, 27 marta 1830 g. [Letters from A.Kh. Benkendorf to P.S. Meshchersky and A.Ya. Sukin, March 27, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 37-38.

21. Pisma A.Kh. Benkendorfa k P.S. Meshcherskomu, A.I. Chernyshevu, A.Ya. Sukinu, A.S. Greygu, 13 yanvarya 1830 g. [Letters from A.Kh. Benkendorf to P.S. Meshchersky, A.I. Chernyshev, A.Ya. Sukin, A.S. Greig, January 13, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 5-8.

22. Pismo A.S. Greyga k A.Kh. Benkendorfu, 31 dekabrya 1829 g. [Letter from A.S. Greig to A.Kh. Benckendorff, December 31, 1829]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 1-1 r.

23. Pismo A.Kh. Benkendorfa k A.Ya. Sukinu, 31 yanvarya 1830 g. [Letter from A.Kh. Benckendorff to A.Ya. Sukin, January 31, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 25.

24. Pismo A.Kh. Benkendorfa k A.Ya. Sukinu, yanvar 1830 g. (bez daty) [Letter from A.Kh. Benckendorff to A.Ya. Sukin, January 1830 (Undated)]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 19.

25. Pismo A.Ya. Sukina k A.Kh. Benkendorfu, 16 yanvarya 1830 g. [Letter from A. Ya. Sukin to A. Kh. Benckendorff, January 16, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 14.

26. Pismo A.Ya. Sukina k A.Kh. Benkendorfu, 19 marta 1830 g. [Letter from A. Ya. Sukin to A.Kh. Benckendorff, March 19, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 34.

27. Pismo iyeromonakha Iyeronima k A.S. Greygu, 17 avgusta 1829 g. [Letter of Hieromonk Hieronymus to A.S. Greig, August 17, 1829]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 2-2 r., 21-21 r.

28. Pismo iyeromonakha Iyeronima k A.S. Greygu, 27 noyabrya 1829 g. [Letter of Hieromonk Hieronymus to A.S. Greig, November 27, 1829]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 4-4 r., 23-24 r.

29. Pismo iyeromonakha Iyeronima k P.V. Golenishchevu-Kutuzovu, 26 iyunya 1829 g. [Letter of Hieromonk Hieronymus to P.V. Golenishchev-Kutuzov, June 26, 1829]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 3-3 r.

30. Pismo P.S. Meshcherskogo k A.Kh. Benkendorfu, 23 yanvarya 1830 g. [Letter from P.S. Meshchersky to A.Kh. Benckendorff, January 23, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 20.

31. Pismo P.S. Meshcherskogo k A.Kh. Benkendorfu, 5 aprelya 1830 g. [Letter from P.S. Meshchersky to A.Kh. Benckendorff, April 5, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 40-40r.

32. «Spravka, izvlechonnaya iz svedeniy, dostavlennykh Novgorodskoyu Dukhovnoyu Konsistoriyeyu o Iyeromonakhe Iyeronime» (1830 g.) [“Certificate Extracted from the Information Provided by the Novgorod Spiritual Consistory About Hieromonk Hieronymus” (1830)]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 30-33.

33. Formulyny spisok iyeromonakha Iyeronima (1830 g.) [Formulary List of Hieromonk Hieronymus (1830)]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 12-13.

34. Straich S.Ya. *Provokator Zavalishin* [Provocateur Zavalishin]. Moscow, Akts. izd. o-vo «Ogonyok», 1928. 48 p.

35. Straich S.Ya. *Roman Medoks. Pokhozheniya russkogo avanturista XIX veka* [Roman Medox. Adventures of a 19th Century Russian Daredevil]. Moscow, Voenizdat, 2000. 288 p.

36. Addison J. *Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator*. Oxford, Clarendon Press, 1886. XXX, 528 p.

Information About the Author

Aleksandr A. Orlov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of New and Modern History of Europe and America of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St, 1, Bld. 1, 119435 Moscow, Russian Federation, arkigolkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6549-2059>

Информация об авторе

Александр Анатольевич Орлов, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, 119435 г. Москва, Российская Федерация, arkigolkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6549-2059>